

Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм

Ч. К. ЛАМАЖАА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье анализируются наиболее распространенные трактовки понятий «архаизация», «традиционализм» и «неотрадиционализм», широко используемые социальными науками для характеристики современных социальных процессов в России. Автор указывает на методологические проблемы, а также формулирует суть каждого из понятий, обозначает общее и различное между ними.

Ключевые слова: архаизация, традиционализм, неотрадиционализм, социальные процессы, общество, культура, категории культуры, теория, практика.

Archaization, Traditionalism and Neotraditionalism

CH. K. LAMAZHAA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article analyses the most widespread interpretations of the concepts «archaization», «traditionalism» and «neotraditionalism» that are being extensively used in social sciences for the characterization of contemporary social processes in Russia. The author denotes some methodological problems, states the essence of these concepts and specifies the general and the particular of each of them.

Keywords: archaization, traditionalism, neotraditionalism, social processes, society, culture, categories of culture, theory, practice.

В современном социальном, гуманитарном знании для анализа социальных процессов в российском обществе активно используются такие понятия, как «архаизация», «традиционализм», «неотрадиционализм». Они подразумевают реальные процессы обращения к традиционному прошлому общества и соответствующие концепции в науке. Между понятиями много общего, у исследователей одно поле для работы. Однако у каждого из этих терминов есть свои нюансы, интересующие представителей разных дисциплин в рамках их исследовательских парадигм. Объединение этих тем — редкий сюжет, тем более что теоретически и методологически понятия «архаизация» и «неотрадиционализм» в отличие от понятия «традиционализм» еще недостаточно проработаны.

Я попытаюсь сформулировать суть этих понятий, определить основное соотношение

между ними, чтобы внести лепту в теоретические исследования в целом и, возможно, обозначить мостик для развития междисциплинарных работ.

В первую очередь обращусь к термину «архаизация». Наиболее проработанными по проблемам архаики, архаизации являются исследования философов, филологов, искусствоведов, а также психологов, антропологов. По постсоветской социальной архаизации в России написано много работ, но определения сути архаизации встречаются редко. Одно из наиболее внятных определений дал отечественный философ А. С. Ахизер, первым в постсоветское время поставивший вопрос о методологии изучения архаизации. По его мнению, «архаизация означает следование культурным программам, исторически сложившимся в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня

* Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-59-30. Эл. адрес: lamajaa@mail.ru

возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. На кризис люди отвечают возвратом к старым идеям, т. е. архаизация выступает как форма регресса» (Ахиезер, 2001: 89).

Архаизация в представлении философа — составной элемент истории страны, который проявляется в российском обществе в разных формах. Архаизация сталкивается со стремлением к реформам, прогрессу, и это создает картину социокультурного раскола в обществе. Для анализа данного явления автор пишет о смутах XV и XVII вв., а в XX в. — о двух национальных катастрофах 1917 и 1991 гг.

В целом обзор современных российских исследований по архаизации общества позволил мне сделать ряд обобщений (Ламажаа, 2009). В том числе выделить три основные позиции — отношения к явлению: 1) современная ситуация, по мнению ряда исследователей, основана на радикальном разрыве с советской социокультурной системой и одновременно ориентирована на возврат к дооктябрьским ценностям разных периодов, например средневековой Руси, или Средневековья как такового, или петровской России и пр.; 2) постсоветская Россия — прямое продолжение или воспроизведение советской России (в качестве аргументов приводятся примеры сохранения номенклатуры, воспроизводство ряда культурных образцов и пр.); 3) в массовом и элитарном сознании присутствуют некие культурные константы, традиции-архетипы, заложенные в русской ментальности, детерминирующие всю историю страны.

В данных подходах вопрос о том, какие идеи, программы культуры следует считать архаическими — «старыми», решается по-разному. Далеко не всегда исследователи архаику трактуют как древность. А ведь слово «архаика» этимологически восходит к греческому *archaikos* — «старинный, древний» и означает ранний этап в историческом развитии какого-либо явления. Исследователи часто ставят просто знак равенства между «архаизацией» и «традициона-

лизмом». Соответственно, говоря о современной архаизации, ученые могут подразумевать актуализацию различных пластов культуры, периодов истории России. Поэтому архаизация в работах получает разные очертания, архаика становится то далекой древностью, то «близкой», а то и вовсе не древностью.

Как же сформулировать суть архаики и архаизации, причем в методологическом ключе?

Для этого сначала обращусь к родственному понятию — традиционализму. Под ним понимают и приверженность традициям и в более широком смысле также ориентацию индивидуального, группового или общественного сознания на прошлое. Известно классическое манхеймовское понимание традиционализма как неотрефлексированной массовой реакции низов на изменения социума (Манхейм, 1994: 593). Кроме того, традиционализм может быть определен и как своеобразная «народная идеология» (Рюде, 1984). В. А. Ачкасов утверждает, что традиционализм является целостным естественным мировоззрением, в котором все историческое наследие общества выступает как значимая позитивная ценность (Ачкасов, 2004).

В наиболее общих чертах архаизация и традиционализм — как социальные явления представляют собой ориентацию на прошлое общества. Потому исследователи часто используют их как однопорядковые термины. Однако проблема заключается в том, что архаизация, традиционализм, а также неотрадиционализм имеют свои особенности. Изучение этих особенностей, на наш взгляд, углубляет наше понимание социальных процессов, дает и теоретические знания, а также решает вопросы и практического плана.

В теориях традиционализма историческое наследие общества анализируется с помощью понятия «традиция», которому исследователи дают самые разные определения. Наиболее распространенным из них является рассмотрение традиций как элемента культурного наследия и как механизма его

передачи от поколения к поколению. Сам традиционализм в этом случае расценивается как выбор, направленный на сохранение традиций, приверженность им в противовес инновациям и/или всего того, что грозит разрушениям, изменениям традиций. Соответственно второе ключевое слово здесь — «инновации», и в социальных процессах акцент делается на соотношении двух противоположных по смыслу понятий. И традиции, и инновации могут формироваться в разные исторические периоды.

В теории архаизации сама архаика, на наш взгляд, должна определяться как категория диахронического плана, как древность — начальный этап в развитии. Соответственно архаизация в обществе предстает как обращенность не просто в прошлое, но древнее — архаическое; это актуализация социокультурного опыта времени формирования общества, складывания его основных особенностей. Та же традиция в теории архаизации рассматривается в диахроническом плане, как элемент культуры, широко представленный в архаических, так называемых традиционных обществах. Но рассматриваются традиции только архаические. При этом в качестве архаических основ социальной жизни можно рассматривать не только традиции. Можно анализировать и другие понятия, раскрытие которых помогает углублять знание о культуре, обществе. Исследователи архаизации пишут об архаических программах культуры, старых идеях, культурных константах, мифологических идеях и др.

В дополнение к понятийному аппарату теории архаизации мы предлагаем использовать понятие, достаточно хорошо разработанное в гуманитарном знании, — «категории культуры» — мировоззренческие универсалии, систематизирующие и аккумулирующие накапливаемый человеческий опыт (Гуревич, 1971; Степин, 1996). Мы можем рассматривать первоначала культуры, которые сложились в начальный, древний ее период или эпоху, сквозь призму категорий культуры, а также вопросы их актуализации

в общественном сознании и деятельности в поздние периоды. Именно в системе категорий культуры, как пишет В. С. Степин, складываются характерный для исторически определенного типа культуры образ человека и представление о его месте в мире, представления о социальных отношениях и духовной жизни, об окружающей нас природе и строении ее объектов и т. д. При этом в системе мировоззренческих универсалий В. С. Степин выделяет два основных блока: категории, в которых фиксируются наиболее общие характеристики объектов, преобразуемых в деятельности («пространство», «время», «движение» и т. д.), и категории, характеризующие человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношений к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни («человек», «общество», «я», «другие», «труд» и т. д.).

Категории культуры — явление историческое, меняющее свое содержание, поэтому применительно к проблематике архаики, архаизации необходимо отделять архаические категории культуры от категорий последующих периодов истории общества. Эпохи изменений в развитии обществ для каждого будут свои. В случае кардинальных перемен в общественных устоях, между эпохами мы наблюдаем периоды трансформаций, слома, социальных катаклизмов и пр. Обращение общества к архаике происходит именно в такое время. В периоды неопределенностей «включается» стратегия самосохранения, стихийно актуализируются старые, проверенные веками представления, трактовки, отношения, прежде всего социального плана: понимания «Я», своих и чужих, форм взаимоотношений между людьми.

Очевидно, что изучение архаизации общества следует начинать с вычленения, анализа собственно архаических категорий культуры. Для исследователей современных социальных процессов будет подспорьем в этом плане школа отечественного медиевиста А. Я. Гуревича, уже проделавшая достаточно большую работу, исследовавшая кате-

гории культуры в разных культурах и разных эпохах, прежде всего их архаических пластов.

Не соглашаясь со знаком равенства, которые исследователи ставят между архаизацией и традиционализмом, проясним вопрос, почему говорят и о том, и о другом сегодня. 1990-е годы для России стали временем кардинальных трансформаций, смуты, когда социальная анархия и полная неопределенность в будущем заставили обратиться к прошлому. Актуализировались не только архаические основы культурной жизни. Произошло и обращение к традициям не только древним, но более поздних периодов истории, были попытки «вернуть» дореформенные спокойные времена, было отторжение инноваций. Соответственно архаизация тесно переплелась с традиционализмом. Поэтому для многих исследователей эти понятия практически не различаются. Но подчеркну, что архаизация и традиционализм различаются в обращенности к определенным пластам традиций (архаическому и любим — соответственно).

Что дает нам такое различие? Вопрос в глубине, масштабах, протяженности процессов. Архаическое в обществе представляет собой его первооснову, особенности его культуры, самобытности, поэтому сохраняется в нем гораздо дольше. Оно будет время от времени проявляться, люди будут обращаться к нему во времена социальных катаклизмов, опираться на него как на основу социокультурной идентичности. Традиционализм же (если брать не только приверженность архаическим традициям, но и традициям, сложившимся в последующие времена) в этом смысле постоянно «меняет» свой облик в общем ходе социальной истории. Так, исследователи России 1990-х годов «видели» в обществе попытки возродить и советское прошлое, и досоветское; и феодализм, и даже Киевскую Русь...

Осознанными ли являются в обществе такие обращения к прошлому? Это вопрос дискуссионный и для исследователей архаизации, и для теоретиков традиционализма. Од-

ни утверждают, что происходит бессознательная, стихийная актуализация старого опыта, другие — что процессы регулируются, конструируются сознательно. Выяснение нашей позиции позволит подойти к вопросу соотношения архаизации, традиционализма и неотрадиционализма.

А. Б. Гофман пишет, что в одном из подходов к теории традиционализма традиции трактуются как некие социокультурные гены (биологические «инстинкты» или эйдосы). Нередко в подобных интерпретациях понятие традиции сближается с понятием архетипа (Гофман, 2008: 17). В этом случае традиционализм рассматривается как неосознанное обращение к прошлому. Другой же подход к традиционализму трактует традиции как процесс и результат конструирования, производства, изобретения, т. е. обосновывает сознательность субъектов (конкретных людей, социальных групп) (там же).

Справедливо указывая на слабые места обоих подходов, автор пишет о том, что в первом случае социальные акторы выступают как пассивные реципиенты традиций, а последние наделяются мощью, активностью, колоссальными адаптивными и даже мистическими способностями. Во втором подходе традиция выступает лишь как разновидность инновации; принципиальное различие между ними стирается. В определенном смысле все традиции являются сконструированными, «выдуманскими», «изобретенными», по мнению Э. Гидденса, слова которого напоминает Гофман (там же: 18).

Отечественный социолог указывает на сложность явления традиции в обществе, осознанности или неосознанности обращения к ней, акцентируя тот факт, что сами общества могут быть различными. Например, в больших, сложных, открытых и мобильных обществах социальная и групповая дифференциация оказывает существенное влияние на интерпретацию и использование общенационального культурного наследия. В дифференцированных обществах, по мнению Гофмана, существует множество разнооб-

разных ориентаций и устремлений на те или иные социокультурные пространства и времена, исторические эпохи (там же: 19).

Подобное мнение высказывает и польский исследователь Е. Шацкий, который противопоставляет традиционализм примитивный традиционализму идеологическому. С позиций идеологического традиционализма, пишет исследователь, «можно заниматься историей, примитивный же традиционализм, естественно, довольствуется мифологией» (Шацкий, 1990: 382).

На мой взгляд, в современной России периода трансформаций можно наблюдать несколько типов социального обращения к прошлому: и неосознанного, стихийного, нерелексируемого — чаще всего у народных масс, и осознанного — у определенных социальных групп.

Сознательное обращение интересно тем, что включает в себя как представления, идеализацию, ностальгию, так и практическую деятельность, направленную на возрождение традиций прежних времен. Причем некоторыми исследователями, например этнополитологами Л. Д. Гудковым и Э. А. Паиным, и то, и другое объединяются в одно понятие — «неотрадиционализм» (Гудков, 2002: 124–147; Паин, 2004а; Паин, 2004б). Как пишет Л. Д. Гудков, неотрадиционализм «включает в себя: 1) идею «возрождения» России (тоска по империи, старческие сожаления и сетования о прежней роли супердержавы в мире); 2) антизападничество и изоляционизм, а соответственно — ревитализацию образа врага как функциональную составляющую собственных позитивных значений «русского»; 3) упрощение и консервацию сниженных представлений о человеке и социальной действительности» (Гудков, 2002: 129). Э. А. Паин считает, что идеология неотрадиционализма представляет собой отказ части интеллигенции от своих прежних идей, реконструирование элитой советских имперских стереотипов, которые затем получили массовое распространение и приобрели значимость в качестве электрофактора (Паин, 2004а: 71–72).

Однако, для того чтобы определить суть неотрадиционализма, обозначить его отличие прежде всего от традиционализма, я бы предложила исходить из целей и задач сознательного обращения к традиционному прошлому. Если речь идет о ностальгическом реконструировании прежних идеалов, идей, образцов и пр., для того чтобы «вернуть» предыдущие исторические этапы, то очевидно, что мы имеем дело с традиционализмом. Неотрадиционализм же согласно логике приставки «нео» должен представлять собой обновленный, преобразованный вариант как теории, так и социального явления традиционализма.

Движение, идеология и практика неотрадиционалистов, теория неотрадиционализма направлены на возрождение традиций: и для адаптации общества в современных условиях, и для его эффективного развития, т. е. практически для его модернизации на основе логики собственной культуры. Именно в этом ключе понимают неотрадиционализм исследователи конкретных региональных обществ, культур, например А. И. Пика (Пика, 1996), С. А. Мадюкова (Мадюкова, 2008). Последняя входит в исследовательский коллектив Института философии и права СО РАН (Новосибирск) под руководством Ю. В. Попкова, который занимается разработкой проблем социокультурного неотрадиционализма. Для новосибирских ученых неотрадиционализм выступает как диалектическое единство традиции и новации. По словам Ю. В. Попкова и С. А. Мадюковой, «социокультурный неотрадиционализм выражает:

- 1) единство, взаимообусловленность воспроизводства традиции и ее видоизменения, адаптации к современным условиям,
- 2) не следование «образцу», а развитие традиции за счет инкорпорации новации,
- 3) приоритет рефлексирующего сознания над ценностно-иррациональным как основы воспроизводства традиции,
- 4) вытеснение сакрального содержания традиции рациональным объяснением необходимости ее выполнения.

В конечном итоге воспроизведенная традиция существует в виде неотрадиции (неотрадиционализма) и имеет, как правило, обновленный смысл, обновленное содержание и обновленную форму»¹.

Итак, соотношение понятий «архаизация», «традиционализм» и «неотрадиционализм» представляет собой сложное переплетение терминов социальной теории, обусловленное различиями исследовательских парадигм, теоретических установок. Во многих работах между архаизацией и традиционализмом, а также между традиционализмом и неотрадиционализмом ставится знак равенства. Однако, на наш взгляд, такое представление обедняет понимание разнообразных социальных процессов, происходящих в современной России и ее регионах, в том числе не дает возможности ставить и решать вопросы о том, как использовать прошлый культурный опыт для эффективного развития обществ в условиях современности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Из совместного доклада Ю. В. Попкова и С. А. Мадюковой на круглом столе «Социокультурный неотрадиционализм и устойчивое развитие регионов России», проведенном Ю. В. Попковым в рамках Международной научно-практической конференции «Регионы для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации» (г. Новосибирск, 25 марта 2010 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахиезер, А. С. (2001) Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 89–100.

Ачкасов, В. А. (2004) Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма. *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности)* : сб. статей. Вып. 1 /

под ред. Ю. Н. Солонина. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 173–191.

Гофман, А. Б. (2008) От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // *Традиции и инновации в современной России: социологический анализ взаимодействия и динамики*. М. С. 9–112.

Гудков, Л. Д. (2002) Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М. : Институт этнологии и антропологии РАН ; Институт философии РАН. С. 124–147.

Гуревич, А. Я. (1971) Категории средневековой культуры. М.

Ламажаа, Ч. К. (2009) Проблема архаизации общества // *Знание. Понимание. Умение*. № 4. С. 44–48.

Мадюкова, С. А. (2008) Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск.

Манхейм, К. (1994) Диагноз нашего времени. М. : Консервативная мысль.

Паин, Э. А. (2004а) Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / 2-е изд., доп. М. : Новое издательство.

Паин, Э. А. (2004б) Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М. : Институт социологии РАН.

Пика, А. И. (1996) Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // *Социологические исследования*. № 11. С. 47–53.

Рюде, Дж. (1984) Народные низы в истории, 1730–1848 / пер. с англ. Е. И. Бухаровой, А. О. Зелениной. М. : Прогресс.

Степин, В. С. (1996) Эпоха перемен и сценарии будущего. М.

Шацкий, Е. (1990) Утопия и традиция. М.